

Маленькие безумцы

У Пола Монсона дом открытой планировки: гостиная, столовая, кухня. Он рассказывает: «Тут бегали мои внуки. Кристи и Кайл. Как только приезжали, сразу начинали носиться. Летели сломя голову через весь дом, как маленькие безумцы. Кристи и Кайл — дети Роки и Мишель».

Пол родом из Майнота в Северной Дакоте. В Монтану он приехал работать. Его отец умер уже давно. А отчима звали Джил. Сначала тот был фермером, потом — владельцем передвижного парка развлечений. Пол говорит, что отчим «за доллар бы удавился». Мишель обожала бабушку с бабушкой.

«Часто люди думают, что девочкам нравятся парни, похожие на их отцов, — говорит Пол, — но Роки был совсем не таким, как я».

Может быть, Мишель привлекала энергия Роки. Или, может, дело было в том, что, когда они познакомились, она была подростком, а Роки, который выглядел гораздо младше своих двадцати четырех, имел доступ к еще незнакомому ей миру взрослых. Собственное жилье, выпивка, никто ему не указ. Если бы Мишель не забеременела в четырнадцать и не родила Кристи в пятнадцать, если бы Роки не был *настолько* старше, их связь могла бы пойти по накатанной колее подростковых романов. Эмоции через край, непреодо-

лимое влечение, и, наконец, полное угасание. А потом новая интрижка. «Думаю, он был уже взрослым, хотел остепениться, — говорит Пол, — обзавестись семьей и всё такое».

Пол рассказывает, что они с Мишель почти каждый день обедали вместе. Он работал поблизости и в свой перерыв заходил к дочери, а Роки вряд ли знал об этом. «Я приносил свой обед, и мы вместе смотрели шоу Спрингера по телевизору. Я с ней ладил лучше, чем с остальными дочерьми. Даже не знаю почему. И наша симпатия была взаимной».

И тут Пол тянется за стопкой скрепленных резинкой DVD с семейными видео. Говорит, что он заранее переписал их к моему приходу, для меня. Семейные видео. Роки снимал их год за годом и особенно любил записывать совместный отдых на природе, походы, в которые они ходили всей семьей практически каждые выходные. В основном на DVD записи будничной жизни Мишель, Кристи и Кайла, а не особые случаи вроде праздников и дней рождения. Пол говорит, что все их пересмотрел по многу раз. Он искал намеки, что-то, что указало бы на предстоящие события, но остался ни с чем. Типичная семья. Трехлетняя Кристи на диване смотрит мультики. Кайл на берегу ручья с детской удочкой в руке пытается поймать рыбу. Несколько записей со спящей на кровати Мишель: Роки будит ее, окликающая по имени. Ничего подозрительного, говорит Пол. Я решила посмотреть эти видео только через несколько лет после нашей встречи.

Бывшая жена Пола Салли Сжаастад знала о Роки не больше, чем Пол, несмотря на все те годы, что они прожили бок о бок. Дочери Салли и Пола Алисса и Мишель переехали к Полу, когда им было пятнадцать и четырнадцать. Пара развелась задолго до этого — когда Мишель было восемь — и в основном девочки жили с Салли. Но в подростковом возрасте они поняли, что у отца их ждет свобода, которой никогда не допустила бы мать.

Иногда Салли звонила Полу, а он даже понятия не имел, где девочки, или мог сказать, что они в таком-то доме, но когда Салли туда приезжала, их не было на месте. Однажды Пол наобум дал ей адрес дома для мальчиков, которые выпускались из Пайн-Хиллз и проходили подготовку перед тем, как вернуться в общество. Подростки с зависимостями и поведенческими отклонениями. Слишком юные для тюрьмы, но слишком опасные, и для самих себя, и для других, чтобы жить дома. Такие неблагополучные мальчишки и населяли Пайн-Хиллз. Салли хорошо знала это место, потому что участвовала в программе профессиональной реабилитации от штата Монтана; она помогала людям с ограниченными возможностями, искала для них работу.

В тот вечер разъяренная Салли подъехала к этому дому в поисках Мишель, которой тогда было всего тринадцать или четырнадцать. Салли поговорила с каким-то мужчиной, и он подтвердил, что Мишель была здесь, но уехала с парнем по имени Коди. Салли взвилась. *«Моей дочери, — сказала она, — запрещено здесь появляться. Запрещено»*. Через три часа Мишель вернулась.

В другой раз Салли подъехала к дому Пола и заметила припаркованный зеленый хетчбэк. Эту машину она видела впервые. Салли постучала, но никто не ответил. Однако она уловила движение в доме и постучала громче. Ответа не последовало. Она ушла и вернулась чуть позже. Никакого эффекта. Тогда Салли прокричала через дверную щель, что если ответа не будет, она вызовет полицию. Это сработало. Мишель открыла. С ней был парень со спадающими каскадом спутанными волосами, в футболке и джинсах. Парень с такой мощной челюстью, что казалось, будто он всю жизнь только и делал, что стискивал зубы. А еще у него были пухлые губы и ямки от прыщей на щеках. Так Салли познакомилась с Роки. Он казался скромным и старательно избегал зрительного контакта. Салли велела ему уйти и не приходить, когда Пола нет дома. Роки пробормотал, что и так уже уходит.

Позже Салли сказала Полу, что этот парень слишком взрослый для Мишель. Она не знала, сколько ему лет, но любовью парень, достаточно взрослый для того, чтобы иметь собственную машину, слишком взрослый для четырнадцатилетней Мишель. Салли думала, что они с Полом решили эту проблему. Думала, с Роки покончено. Она не могла и представить себе, что дочь ее не слушает; Салли все еще считала Мишель маленькой девочкой, которая без напоминаний выполняла работу по дому и никогда не прогуливала школу. Мишель всегда была послушной. И когда настало время вырасти, — а это случилось гораздо раньше, чем всем им хотелось бы, — она повзрослела. Стала самостоятельной, словно по щелчку. Подростком ей побыть практически не довелось.

Ростом Роки был где-то метр семьдесят; жилистый, нервный, тревожный и энергичный. Впрочем, члены его семьи описывают Роки немного иначе: тихий и даже отрешенный, но скромный. Перед тем, как застрелиться, он взял диски, сложил их в сумку и убрал в гараж. Он хотел убедиться, что с ними всё будет в порядке. Со свидетельством, что они были счастливой американской семьей. Если бы всё произошло так, как он спланировал, то, возможно, сохранилась бы именно эта история. Великая американская трагедия. Он написал послание у себя на предплечьях. Его никто не должен был увидеть, и никто не помнит, что именно там было сказано. Что-то вроде «я заслужил гореть в аду».

Пол говорит, что вмятины на входной двери дома остались с тех пор, как Роки пытался выбить ее, чтобы добраться до Мишель. Но тогда никто не считал этот поступок жестоким и тем более опасным. Это тот род жестокости, который сложно зафиксировать, когда становишься его свидетелем, но в обратной перспективе всё становится абсолютно очевидно — именно так и выглядит домашнее насилие. Не только Пол не смог разглядеть последствий этого слу-

чая. Но представьте, что у входной двери дома Пола не Роки: какой-то мужчина колотит в дверь, пинает ее и орет на женщину внутри. Представьте, что это незнакомец. Разве тогда вы не вызвали бы полицию? Разве тогда вы бы не вмешались, чтобы дать отпор? Но когда речь заходит о людях, которых мы знаем, о людях, которых мы привыкли видеть в другой роли — об отцах, братьях, сыновьях, матерях, и т. д. — мы не понимаем, что становимся свидетелями насилия. Сейчас Пол говорит, что он бы вмешался, сделал бы что-нибудь. Сам свершил бы правосудие. Так принято в Монтане, с ее либертарианской, индивидуалистической культурой. Он не доверяет системе. Не думает, что полиция сделала хоть что-то, чтобы спасти его дочь. Как, впрочем, и прокурор. «Я расскажу, как это делается в Монтане», — говорит Пол. Когда он запросил информацию о вскрытии тел, следователь ответил, что может предоставить данные только о кровных родственниках Пола. Мишель, Кристи, Кайле. Но не Роки. А запрос Гордона Мозура, отца Роки, удовлетворили без нареканий. И он получил результаты всех четырех вскрытий. «Считается, что всё принадлежит мужчине, — говорит Пол, — патриархат устанавливает правила». Пол качает головой. «Чем больше думаешь об этом, тем больше это бесит», — говорит он. Пол достает коричневую папку-гармошку и показывает те результаты вскрытия, которые ему удалось получить. В акте Кайла указано следующее: «Одежда на теле поступившего... мальчика пропитана кровью». Следователь написал, что незадолго до смерти умерший употреблял в пищу мармелад. В акте Кристи сказано, что у нее обнаружено огнестрельное ранение «со следами пороховых зерен». Ее сердце весило 180 граммов.

Я указываю на наградную доску на стене гостиной. На огромной белой стене она выглядит немного неуместно и одиноко. На доске выгравирована дата, когда Мишель окончила школу. Старшая школа Биллингс, выпуск 1997 года. К тому времени

Мишель уже жила с Роки, и у нее было двое детей младше трех лет, но тем не менее она закончила школу в срок. Мишель родила Кайла через год после Кристи. Девушка перевелась в школу для, как сказал Пол, «детей, у которых уже были свои дети», примерно в шести кварталах от прежней школы. Каждую зиму, а в Монтане они суровые, Мишель толкала коляску с обоими детьми вверх по холму. «Я видел, как она это делала, и думаю, это многое о ней говорит». Именно этого момента Пол и боялся. Он склонил голову. Теперь наградная доска у него в руках. Он встал, снял ее со стены, и качает, словно ребенка. Одной рукой Пол с нежностью стирает с доски пыль. Его пальцы пробегают по металлической поверхности, а на глаза наворачиваются слезы. Он глубоко вдыхает, пытаясь совладать с собой. Именно поэтому родители погибших детей, особенно отцы, со мной не разговаривают. Они хотят избежать этого самого момента.

Салли Сжаастад не такая. За несколько лет я провела наедине с ней много часов. Салли хранит память о дочери, говоря о ней, пересказывая и вспоминая всё, что только может. Хранит все вещи Мишель и внуков: письма и рисунки, которые дети дарили по праздникам, записки от Мишель, когда она сама была ребенком, вырезки из местных газет с материалами об убийстве. Салли проезжает мимо школы, в которую ходили Кристи и Кайл, школы, на территории которой установлена мемориальная скамейка с их именами. Салли говорит, что, узнав об убийстве, состарилась за одну ночь, за четыре месяца набрала восемь килограмм, измучилась и как будто согнулась. На фотографии, сделанной еще при жизни ее дочери, я не узнала Салли даже после того, как она показала на себя пальцем. По моим наблюдениям, столкнувшись с непереносимой трагедией, женщины часто говорят не переставая, а мужчины, наоборот, молчат. Вокруг Салли — вихрь воспоминаний, похожий на огромное гнездо; Пол несет свои воспоминания в себе, словно камни.

Салли всегда казалось, что Мишель была слишком ответственной для своего возраста. Она стригла газон, мыла

посуду, пылесосила ковер — и всё это по собственной инициативе. В год, когда Мишель с сестрами продавала сахарную вату и проверяла билеты в детском парке развлечений «Ландерс», она положила заработанные двадцать долларов в конверт с открыткой, на которой написала, что это для мамы, чтобы помочь ей с продуктами и другими расходами. Когда Салли открыла конверт, она разрыдалась.

«[Мишель] ничего не стоило бросить [школу]», — говорит Пол. Тихим, как будто надорванным голосом. Он вытирает глаза тыльной стороной ладони. «Я не обрадовался, когда Мишель забеременела, но я гордился тем, что она закончила школу. Она не сдалась».

Для женщин, подобных Мишель Монсон Мозур, характерно такое упорство. Решительность и стремление любым способом сохранить жизнь себе и детям. Эти женщины не бросают. Они терпят издевательства мужей, потому что понимают нечто, чего большинство не может взять в толк; изнанку, нечто, существующее вопреки логике: как бы опасно ни было дома, практически всегда уйти — гораздо опаснее. Многие из них планируют развод, как это делала Мишель. Они остаются. Они выжидают. Они охраняют детей. Они хладнокровно балансируют на передовой. Бдительные и терпеливые, всё время ищущие лазейку, чтобы ускользнуть, не пострадав. Столько, сколько это возможно.